

*ЕВГЕНИЙ ЗУБКОВ, доцент,
Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielcach, Polska*

«МАСТЬ» В УГОЛОВНОМ ДИСКУРСЕ – АТРИБУТИВНОСТЬ И НЕРАЗЛОЖИМОСТЬ СИНТАГМЫ

Предметом исследования в представленной статье является динамика словоупотребления лексических единиц с элементом «масть» в уголовном дискурсе. Данная динамика рассмотрена с точки зрения атрибутивности и неразложимости синтагмы. Учитывая широту исследуемой темы, во внимание приняты различные методологические точки зрения. Словоупотребление рассматривается как элемент синхронического кода, опирающегося на прецедентную диахронию. Прецедентная диахрония выражена не только фактами, но также стереотипами массового сознания.

Ключевые слова: «масть», словоупотребление, атрибутивность

The paper aims to present the dynamics of usage for lexical units with “wallah equine” regarded element in Russian criminal discourse. The dynamics is reported from the point of attribution and segmental sequence. Different methodological approaches were acknowledged on subject at issue. Word usage is considered a synchronic code element backed up by precedential diachrony. The precedential diachrony roots both in facts and stereotypes of collective consciousness.

Key words: “wallah equine”, word usage, attribution

Research interests: cryptolects

1. Введение. Перед четким определением того, что в представленной статье названо «**уголовный дискурс**», подробнее остановимся сначала на том, что методологически подразумевается под термином «дискурс». В данной связи необходимо упомянуть работу **О. В. Лещака** «*Лингвосомиотика культуры. Функционально-прагматическая теория дискурса*», в которой автор приводит список из более **сорока различных пониманий термина «дискурс»** наряду с критической характеристикой каждого из них (Leszczak 2010, с. 13-38). Рассмотрим следующую цитату:

Из этого следует ⁴⁰, что пространственно-временной и информационный континуум, который возникает после соединения и взаимного соотнесения всех вышеизложенных пониманий, сосредотачивается вокруг текста (или набора текстов) в процессе его (их) создания или воспроизведения по определенным принципам лингвосомиотической системы (кода) в границах определенного функционального типа деятельности, основанной на опыте. Именно такой функционально-прагматический вариант лингвосомиотической деятельности (или лингвосомиотического опыта, что оказывается одним и тем же), ограниченный временем, способом действия и/или тематикой, содержащий специфические элементы кода, определенные действия и характерные тексты можно с точки зрения функционально-прагматической методологии назвать „дискурсом” (Leszczak 2010, с. 34).

Данное понимание термина «дискурс» полностью соответствует исследуемому в статье языковому явлению. Теперь рассмотрим данное соответствие по пунктам:

1) «*в границах определенного функционального типа деятельности, основанной на опыте*». Употребляемый термин «уголовный дискурс» подразумевает функциональный тип деятельности, ограниченный средой употребления. Среда употребления рассматривается как «*пространственно-временной и информационный континуум*». Пространство выражается делением на формирование в местах лишения свободы и на свободе. Время выражается в соотнесении употребляемого в синхронии кода с прецедентной диахронией. Прецедентная диахрония выражена не объективными фактами, а легендами (преданиями), т.е. существованием определенного стереотипа в массовом

⁴⁰ Из сравнительного анализа сорока различных пониманий термина дискурс

сознании лиц, формирующих уголовный дискурс. Опыт выражен в стратификации лиц, формирующих уголовный дискурс: Во-первых, это люди, живущие «**по воровским понятиям**» на свободе и в местах лишения свободы, самоназываемые «**блатными**», «**босяками**», или «**бродягами**» (высшей ступенью такого опыта являются «**законники**»). Данная категория может быть охарактеризована как «активные носители нормы». Во-вторых, это люди, усвоившие правила мест лишения свободы, но на свободе «**по понятиям**» не живущие – основная пассивная масса носителей нормы. Третья группа – это основная масса носителей русского языка, окказионально употребляющая лексические единицы, функционально относящиеся к уголовному дискурсу, зачастую неправильно и не к месту. В пределах собственно уголовного дискурса эта группа именуется «**чертями**».

2) «...текста (или набора текстов) в процессе его (их) создания или воспроизведения по определенным принципам лингвосемиотической системы (кода) в границах определенного функционального типа деятельности». Специфическое словоупотребление представлено как синхронический языковой код, расшифровка которого находится в диахронической понятийной сфере. Уголовный дискурс не предусматривает деления на воровской жаргон, арго, сленг, интержаргон и т.д., поскольку традиционная терминология не может быть адекватно применена к рассматриваемому явлению при неразложимости синтагмы. Важна динамика специфического словоупотребления, которое и является основным принципом. Принимается во внимание также принцип не отвергать предшествующие теории, а включать их в новую концепцию как частный и предельный случай, поскольку в представленной статье основное внимание посвящено не столько этимологическому анализу конкретной лексической единицы, а основным моделям функционирования всей системы в целом – дискурсивной динамике словоупотребления в синхронии при учете прецедентного диахронического кода. Различие понятийной сферы, возможное при введении стратификации среды употребления, преодолевается первичностью выражения понятия группой слов, т.е. динамикой словоупотребления при функциональной неразложимости синтагмы. Функциональный тип деятельности представлен в соединении функции сокрытия для непосвященных и, наоборот, четкой передачи информации тем, кому она предназначена, не говоря уже о прагматике рассматриваемого явления.

3) «... определенность действий и характерные тексты» классифицируются при принятии во внимание возможности слияния эмоциональности, воли и логики. Данный методологический недостаток может быть компенсирован введением таких параметров как ситуативная привязка, влияние индивидуальных свойств говорящего и слушающего и функционально-прагматическое соотношение с общими и существенными свойствами предметов и явлений действительности. Важным параметром является «нахождение в оперативной разработке» как один из ключевых параметров коммуникативного стресса.

4) «...создание или воспроизведение по определенным принципам» – в данной связи важно также учитывать стратификацию среды употребления, что показывает возможность различия при создании и воспроизведении, что приводит к возникновению новой динамики словоупотребления. Речь идет о том, что свободное творчество может привести к понятийному сбою при иноскозательном спонтанном введении сразу нескольких центральных концептов.

5) «...специфические элементы кода» будут детально показаны на динамике словоупотребления лексических единиц с элементом «**масть**».

Теперь, после представления методологических основ исследования, перейдем к рассмотрению самого языкового явления. В словаре Д.С. Балдаева словарная статья «**масть**» (Балдаев 1997, с. 244) представлена следующим образом:

Группировка воров одной специальности;

Воровская специальность;

Судьба;

Счастье;

Начальство, власть (в системе ИТУ).

Из приведенной словарной статьи следует, что для называния «группировки воров одной специальности» и «начальства, власти» может быть употреблено одно и то же слово – «масть». Без принятия во внимание словоупотребления, т.е. атрибутивности при неразложимости синтагмы, можно строить самые разнообразные предположения. Какие это предположения – достаточно убедиться, вписывая «масть» или «воровская масть» в любую поисковую систему. Скажем лишь, что, как в любой области знания, данные предположения можно разделить на адекватные, чистые домыслы, и целенаправленное запутывание исследователей. В представленной статье автор будет исходить из того, что представленная выше словарная статья Д. С. Балдаева как собранный языковой материал адекватна реальности, неадекватна лишь применяемая методология исследования и

как следствие – неадекватен способ подачи информации. Для доказательства поставленного тезиса этот многогранный концепт, а при более детальном исследовании – концептосфера, будет рассмотрен в словоупотреблении с разных точек зрения. Теперь перейдем к рассмотрению того, что скрывается за словоформой «масть».

До т.н. «сучьих войн», о которых можно найти в Интернете достаточно много не всегда адекватной, даже мифической, информации, вместо словоформы «**масть**» употреблялись две лексические единицы – «**шерсть**» и «**цвет**», которые сами по себе были концептами. «**Шерсть**» употреблялась преимущественно по отношению к лицам, формирующим уголовный дискурс, «**цвет**» – по отношению ко внешним обстоятельствам, влияющим на жизнь и судьбу лиц, формирующих уголовный дискурс⁴¹.

В представленной статье автор оставит старое разделение на «шерсть» и «цвет» как один из элементов специфического прецедентного кода, для большей прозрачности в синхронии вводя в названия подразделов элемент «масть».

2. «Масть» как «цвет» – внешняя среда, оказывающая влияние на лицо, формирующее уголовный дискурс. В данной части статьи под *внешней средой* подразумеваются *места лишения свободы* как сумма внешних обстоятельств, оказывающих влияние на жизнь индивида. На использование уголовного дискурса в местах лишения свободы оказывает влияние множество факторов, и можно бы было полагать, что основными будут коммуникативная ситуация и личность говорящего, однако это не совсем так. В данной связи необходимо, в первую очередь, упомянуть о **режиме** в местах лишения свободы, который оказывает первоочередное влияние не только на личность осужденного и языковые средства выражения в его коммуникации, но и на уголовный дискурс в целом в местах лишения свободы. Согласно Уголовно-исполнительному кодексу РФ (УИК РФ) от 08.01.1997 № 1 Ф-3, Раздел IV. «Исполнение наказания в виде лишения свободы», Глава 11. «Общие положения исполнения наказания в виде лишения свободы», Статья 74. *Виды исправительных учреждений*, места лишения свободы можно разделить на **исправительные колонии, воспитательные колонии, тюрьмы, лечебные исправительные учреждения**. Кроме того, существуют также следственные изоляторы и камеры предварительного заключения. Сразу же следует оговориться, что согласно правовым нормам РФ в одной и той же колонии или тюрьме может существовать несколько режимов в зависимости от тяжести совершенных преступлений и способов поведения осужденного или подследственного. Понятие режимов, а также мест лишения свободы вообще, лица, формирующие уголовный дискурс, упрощают до крылатого выражения «*Не важно, сколько сидеть, важно, как сидеть*».

Понимание **режимов** в местах лишения свободы можно значительно упростить, воспользовавшись мнением самих заключенных по данному вопросу:

«Тюрьмой в наше время называется учреждение, где люди – заключенные – содержатся в отдельных камерах без возможности свободного перемещения и общения (в отличие от лагеря, где живут в общих бараках и более или менее свободно по зоне перемещаются)» (Лозовский, Тюремные режимы. Крытки. Централы).

Из вышеуказанного утверждения человека, просидевшего 11 лет, можно сделать вывод, что «сидеть» в **тюрьме** и в **лагере** (т.е. колонии согласно приведенной выше статье 74 УИК РФ и зоне, согласно приводимым далее цитатам – в настоящее время мы можем рассматривать лагерь, зону и колонию как то же самое явление) – совсем не одно и то же. Для большинства людей, не сотрудников правоохранительных органов и не отбывающих наказания в местах лишения свободы, понимание может значительно упростить использование таких лексических единиц как:

«крытка» или «закрытка»

«(...) Это так называемый „**крытый**” (**закрытый**) режим, когда человека держат в тюрьме в качестве наказания. Это может происходить изначально по приговору суда в случае особо тяжких преступлений или же в процессе отсидки, когда за нарушения режима меняют режим на более жесткий (а это фактически самый жесткий - и жестокий из них). Обычно его «назначают» на определенный срок – от года до пяти. Тюрьмы, где содержатся „крытники”, часто называются **централами**... (Там же).

41 Это были времена системного перехода от дореволюционного уголовного дискурса к «асимметрии» кода дискурса «братства». В данной статье скажем лишь, что «шерсть» и «цвет» вышли из активного словоупотребления как концепты вместе с заменой «толковища» «сходкой» и введением «общака» в современном виде; они релевантны в настоящий момент лишь для первой группы лиц, формирующих уголовный дискурс, названных выше «активные носители нормы». Сразу же оговоримся, что это тема иной статьи

Нет оснований не верить В. Лозовскому, поскольку название режима «**крытка**» или «**закрытка**» как ‘закрытая тюрьма’ в том же значении и сути, т.е. согласно УИК РФ «**особый**» режим, встречается у Жака Росси (Росси 1991, ч.1. с. 124), однако у Д. С. Балдаева соответствует «**усиленному**» режиму (Балдаев 1997, т. 1, с. 143). Сами лица, пребывающие в местах лишения свободы, часто употребляют антонимическую пару «**крытая**» - «**мытая**» по отношению как к тюрьме, так и колонии (зоне, лагерю), т.к. «*на крытой амнистия не положена*». При данном виде режима тюрьма в большинстве случаев будет считаться «**красной**», по «цвету», но заключенные («арестанты») будут «**черными**».

Теперь необходимо показать, что вкладывают сами заключенные в понятия «**черной**» и «**красной**» масти по отношению к местам лишения свободы. Приведем следующую цитату:

«(...) По зековской терминологии они⁴² бывают „**черными**” и „**красными**”. Это показывает то, чьи понятия преобладают – ментовские или воровские. Так же делят и зоны. Обычно сейчас **черные тюрьмы** находятся в больших городах, где сильно движение братвы. (...) Что касается **красных** – чисто красных, то хорошего там тоже мало. Краснота может проявляться по разному. Возможен вариант, когда это проявляется в дотошном, до мелочей соблюдении режима согласно исправительно-трудового кодекса и всяческих внутренних приказов и инструкций колонии (...). Т.е. все делается вроде бы как по закону, но с такой нечеловеческой методичностью, что явно напоминает издевательство и не дает эску ни на секунду расслабиться (...). Такого рода красные зоны часто служат местом, куда преднамеренно свозятся черные авторитеты, рьяные поборники воровских традиций с целью „перевоспитания” – т.е. ломки. Малейшее неповиновение, отказ от работы тут же наказываются – взыскания идут по нарастающей, все строго в соответствии с кодексом. Замечание, выговор (их можно и перепрыгнуть), ШИЗО, ПКТ, крытая, суд за злостное неподчинение режиму содержания – новый срок и более суровый режим (...). Никакой связи практически между камерами нет. Конвои, выводы – строго по уставу..... В большинстве же тюрем и зон – всего помаленьку. Динамическое равновесие сил разного **цвета**. Нужно сказать, что крайние проявления того или иного „**цвета**” – вещь, как правило, непостоянная и неестественная для системы (...). Чтобы картина с цветами была более или менее полной, следует вспомнить еще одну масть - “**шерстяные**”. Шерстью на фене зовутся ссучившиеся блатные..По сути, если на зоне правит **шерсть**, то это одна из разновидностей **красной масти**, так как суки специально культивируются операми и при их помощи приходят к власти на зоне, творя беспредел по отношению к правильным пацанам и мужикам. Самый тяжелый и бесчеловечный вариант - когда представители закона творят беззаконие чужими руками. В таком случае зону зовут **шерстяной**...» (Лозовский, Цвета тюрем и зон. Черные тюрьмы и зоны).

Из приведенной цитаты следует, что места лишения свободы «по масти» можно разделить еще на три вида:

«**черная тюрьма**», «**черный лагерь**», «**черная зона**» – со времен прекращения «сучьих войн» и хрущевской «оттепели» наиболее овеянный мифами вид мест лишения свободы. Нет противостояния, кроме официального, между заключенными и администрацией, и лучше всего это передало бы следующее крылатое выражение: «*там феня – государственный язык, там все живут по воровским талмудам, там каждый это знает и привык...*». Заключенные также «черные» по «масти», т. е. принимают «идеологию закона» (братства). Такие места лишения свободы напоминают т.н. «**царские тюрьмы**», где весь уклад жизни основывался, как ни странно, на сохранении баланса и видимом взаимном уважении. Выражается это в следующих аспектах: возможность полуофициального распития алкоголя, передача наркотиков («грев»), сравнительная редкость «петушения» («отряды» в лагерях могут обслуживать проститутки, в тюрьмах – впускаться), отсутствие ценза по «дачкам» (передачам), возможность выхода «авторитетов» на одну ночь «под честное слово», организация «банкетов»⁴³, налаженная система передачи «маляв», «ксив» и «прогонов», использование «ног»⁴⁴ и т.д.

«**красная тюрьма**», «**красный лагерь**», «**красная зона**» – нет отклонений от Уголовно-исполнительного кодекса РФ, редкое использование «коней»⁴⁵ и «ног»: по отношению к такой тюрьме или лагерю заключенные используют выражение «*Заправляет Хозяин*» (начальник ИТК или

42 Исправительные учреждения

43 Вспомним знаменитый «банкет в Бутырке», организованный Сергеем Липчанским (Сибиряк) в 1994, совместная операция РУОПа, ФСК и СК МВД по проникновению в СИЗО № 48/2 ГУВД г. Москвы

44 «Ноги» – надзиратели или «баландеры», заключенные, разносящие пищу; «ксивы», «малявы», «прогоны», «постановочные письма» – жанровые виды переписки заключенных

45 Крепкие нитки или лески для передачи сообщений между камерами

тюрьмы). Наличие истинно «черной масти» среди заключенных в такой тюрьме может привести к явлению, называемому «отрицалово» – противостояние заключенных и администрации, которое часто выливается в «разморозку» – открытый бунт, или в еще более радикальные индивидуальные формы протеста, вынужденные ситуацией, – «отморозков». Этот термин восходит к «ушедшим в лед»⁴⁶, «отмороженным сердцем». Их преступления, ненависть ко всему живому, сродни явлению «абречества» на Кавказе, до сих пор вызывают содрогание у современных рецидивистов, а память о них привела к чисто пейоративному употреблению и тенденции избегания лексической единицы «отморозок» в уголовном дискурсе по отношению к «порядочным арестантам».

«шерстяная масть» – автор представленной статьи в силу ограниченных языковых компетенций сомневается, возможно ли использование выражений «шерстяная тюрьма», «шерстяная зона». Сами заключенные употребляют следующее выражение: «*Правит Кум, Хозяин спит*» – «перевоспитанием» руководит заместитель начальника по воспитательной работе, начальник ИТК или тюрьмы официально может быть не в курсе. Следует заметить, что в таких исправительных учреждениях «каждое действие рождает противодействие, а за каждую уступку надо платить», достигается достаточно аморфный баланс, для определенной группы заключенных возможны еще большие «послабления», чем в «черных тюрьмах и зонах».

Ярким примером «*шерстяной масти*» могут служить однако не зоны, а так называемые СИЗО (следственные изоляторы) и КПЗ (камеры предварительного заключения). Согласно Уголовно-исполнительному кодексу РФ (УИК РФ) с позднейшими поправками, следственные изоляторы выполняют функции исправительных учреждений в отношении осужденных, оставленных для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, т.е. сотрудничающих с администрацией, или ждущих приговора суда. Находящиеся там заключенные еще не являются в основной своей массе осужденными, срок их отбывания приговора в местах лишения свободы не установлен, перед ними неизвестность и соблазн уменьшить срок заключения в тот или иной способ, а самое главное – они находятся в стадии т.н. «оперативной разработки», т.е. к ним применяются всевозможные способы «оперативного воздействия». Одним из наиболее известных способов «оперативного воздействия» является т.н. «пресс-хата». Интересно объяснение «пресс-хаты» («пресс-камеры») у Д. С. Балдаева, где также встречаются такие лексические единицы как «пресс елецкий», «пресс-зона», «пресс-зона малая» (См. Балдаев 1997, с.348) – «...создание невыносимых условий существования...», правда не выясняется, каких. Далее, в словарной статье «*прессовщик*», можно найти описание этого «создания невыносимых условий существования». Д.С. Балдаев, проработавший, по его собственным словам, 33 года в ИТУ, характеризует «прессовщика» как: «*специальный палач-эзекутор и истязатель ИТУ ... на обильном питании из чужих передач и посылок, поощряемый спиртным... в обязанности которого входит ... избивать, насилловать, ломать духовно и физически воров в законе, воров-рецидивистов, ... насилловавших малолетних, несовершеннолетних детей и женщин... с целью прекращения их уголовных преступлений и в дальнейшем жить трудовой жизнью*».

Единственное, что вызывает удивление в приведенной выше цитате – у «прессовщика» есть цель, перевоспитание воров-рецидивистов и насильников малолетних, таким необычным способом. Странно также, что воры-рецидивисты, «крадуны», поставлены в один ряд с насильниками детей⁴⁷. Можно только выразить сомнение в том, что вряд ли после изнасилования насильник перестанет насилловать, а вор-рецидивист – красть, но это вопрос к психиатру. В представленной статье не утверждается, что «пресс-хаты» мы не встретим в зоне (лагере, ИТК), но их наибольшая результативность для правоохранительных органов проявляется именно на стадии следствия. Заметим однако, что официально они не существуют – как уже говорилось, «*Правит Кум, Хозяин спит*», но во многих местах лишения свободы их существование по понятным причинам активно «приветствуется». Именно поэтому яркий концепт уголовного дискурса дореволюционной России – «*шерсть*» – вышел из употребления, поскольку его использование практически в любом контексте по отношению к «порядочному», «честному арестанту», будет воспринято как смертельное оскорбление, как и определение «отморозок». Даже теоретически ошибкой бы было соотнесение СИЗО и КПЗ с каким-либо видом режима, поскольку в УИК РФ ничего об этом не сказано, соотне-

46 О них можно прочитать у Солженицына в «Архипелаг Гулаг». Они убивали всех без исключения. Живыми их не брали. Одним из ярких примеров в современности может быть Сергей Мадуев (Червонец), «вор вне закона».

47 Автора статьи всегда интересовало, кто снялся рядом с Д.С. Балдаевым и не подставлена ли вместо него фотография законника Тайванчика. После цитирования словарной статьи «*прессовщик*» приходит понимание, хотя это понимание не умаляет заслуг Д.С. Балдаева как исследователя. <http://www.peterlife.ru/st%20petersburg/tattoo/>

сение возможно лишь с «мастью» тюрьмы (*черная, красная, шерстяная*) или типом подследственного, находящегося в оперативной разработке. Именно в этом выражается атрибутивность и неразложимость синтагмы – употребление лексических единиц «тюрьма» или «лагерь» без прилагательных не несут в себе яркой эмоциональной и информативной нагрузки.

На основе всего вышеизложенного можно сделать вывод, что «масть» как «цвет» по отношению к окружающей заключенного среде имеет **четыре формы выражения** в дискурсе, которые являются центрами концептосфер, различным образом выражаются в языке и даже жанрах тюремной письменности. Кроме того, одной из самых распространенных в среде заключенных татуировок является **точка в квадрате из четырех точек**. Можно предположить, что эти четыре точки выражают «четыре масти» как «четыре цвета», «четыре стихии», а точка посередине – «масть арестанта», в соединении – его «счастье и судьбу». К сожалению, подобные утверждения возможны лишь на основе приведенного выше анализа⁴⁸.

3. «Масть арестанта» – применение неразложимости синтагмы и атрибутивности по отношению к лицам, формирующим уголовный дискурс. Если в местах лишения свободы основным внешним фактором, оказывающим влияние на поведение заключенного и на его коммуникацию, является режим, выраженный четырьмя «мастями» (в дореволюционном дискурсе – «цвет»), то на свободе лицо, формирующее уголовный дискурс, является с точки зрения закона и презумпции невиновности правопорядочным гражданином и его вину необходимо доказать. Существует мнение, что в СССР гражданин мог быть осужден только за принадлежность к «ворам в законе», что описано у А. В. Кучинского в «Тюремная энциклопедия – Короли и пешки» (См. Кучинский). Можно соглашаться или не соглашаться с данным утверждением, но в настоящий момент оно нерелевантно в связи с изменением законодательства. Теперь перейдем к рассмотрению следующей цитаты:

«В общем рассмотрении в тюрьме есть два типа арестантов: 1. люди, живущие „воровской” жизнью, по „понятиям” – они себя зачастую называют **босота, бродяги, братва** (...), в терминологии „ментов” – профессиональные преступники (....) 2. „случайно” попавшие в застенки – т.е. совершившие преступления на бытовой почве, по пьянке, глупости, неосторожности, жадности и т.п.(...). Позже, в лагерях, они составляют основную массу касты „**мужиков**” в отличие от „**блатных**”, пришедших из первой группы. В дальнейшем я так и буду их называть – **блатные и мужики**, хотя это термин скорее лагерный – в тюрьмах им практически не пользуются. Здесь больше делят на „**нормальных пацанов**” и **остальных** (шушара, пассажиры, например) (...) (Лозовский, Масти. Блатные и мужики. Советы новичкам)».

В. Лозовский, для определения лиц, совершивших преступления и осужденных, употребляет название «арестант». Такое же название он употребляет для лиц, находящихся под следствием и взятых под стражу, но пока не осужденных. Из этого можно сделать вывод, что «арестант» – название слишком общее и непостоянное, поскольку не подходит для определения лиц, пребывающих на свободе. Кроме того, в авторском дискурсе В. Лозовского виден некоторый релятивизм, т.е. в лагерях – две «масти» – «блатные» и «мужики», а в тюрьме – тоже две, но «нормальные пацаны» и «остальные». Уже из этого видно, что деление по «масти» может измениться при переводе из одного места заключения в другое, по «этапу». В этом тоже выражена «судьба и счастье» – «куда этап завез(дет)». Рассмотрим следующую цитату:

«(...) В СИЗО выраженного деления на масти нет – есть **порядочные**⁴⁹ арестанты и **остальные**. К последним относятся обиженные и опущенные, чушки (не следящие за собой), крысы, уличенные в стукачестве. **Порядочные арестанты** делятся на **братву и мужиков**, но это разделение обычно происходит уже на зоне – в тюрьме на этом внимание акцентируется мало. По внешнему виду можно отличить разве что чушков из-за их неопрятного вида (...) (Лозовский, Смотрящие. Крысы. Масти в СИЗО).

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что лиц, находящихся в местах лишения свободы, можно разделить на **три основные категории**:

Люди, живущие «по воровским понятиям» на свободе и в местах лишения свободы.

«Порядочные» («честные», «правильные») арестанты, они же «мужики» – люди, усвоившие правила мест лишения свободы, но на свободе «по понятиям» не живущие – основная пассивная масса заключенных.

48 Источники по уголовному дискурсу обходят тему этой татуировки молчанием. Автор статьи заявляет, что в местах лишения свободы или судим не был, ни от кого эту информацию не получал и к этому выводу пришел сам, поскольку так следует из представленного анализа.

49 Также употребляется «честные» и «правильные»

«Изгой» – сотрудничающие с администрацией («суки») или «опущенные», в категорию которых входят как «петухи» (используемые сексуально), так и «шныри» (прислуга).

Однако вряд ли данный вывод будет адекватен реальности. Ранее рассматривалась лексическая единица «**прессовщик**». Из рассмотрения следует, что в «черной зоне» «прессовщик» долго не продержится, в «красной» – минимум сохранит свои позиции, а в «шерстяной масти» может быть авторитетом или даже называться «вором в законе», но не «**законником**», поскольку «законник» – «**вор черной масти**», член «закона». На этой стадии уже происходит логическая нестыковка представленного деления по «масти». Далее В. Лозовский выделяет на свободе четыре «масти»:

«(...) „По жизни” (на свободе и в местах лишения свободы) есть 4 основных масти – братва (босота, шпана), мужики, черти и петухи. Если отнести себя к первой – надо обосновать (жить воровской жизнью). Ко второй – принимается „по умолчанию” – можно не обосновывать. Но в таком случае, если ты это признал, то значит признал их правила игры. А по их правилам мужик не может на равных разговаривать с пацаном. Поэтому ты заведомо проиграл (...)» (Лозовский, Правила игры).

Теперь рассмотрим неадекватность представленного деления по «масти» некоторым фактам – из представленного отрывка следует, что «пацан» или «шпана» – высшая ступень воровской иерархии. Невозможно, чтобы В. Лозовский после 11 лет отсидки так обратился к «законнику». Если взглянуть на диахронию, то, например, «шерсть» – категория заключенных, вообще людей. «*Вновь поступающие этапы местное начальство обычно безошибочно разделяет по шерстям – отдельно воров в законе, отдельно сук, шпану, работяг и всякую там шебду-ебду*» (Росси 1991, ч.2: 455). Из этой цитаты видно, что «шпана» и «воры» – две разные «масти». Почему «шерсть» вышло из употребления, было объяснено ранее тенденцией избегания. Если взять за ориентир польскую этимологию происхождения «закон», то «шпана» – в лучшем случае соответствие «жигана» (польское „szpan” значит «бравура»), а «пацан» – соответствие «жорику», т.е. ‘младшему подельнику’. Автору статьи известно обращение «Привет, пацаны-мужики», но вряд ли его можно использовать по отношению к «законникам».

Если говорить о словоформе «масть» в диахроническом аспекте по отношению к разным категориям заключенных, то следует рассмотреть следующую цитату:

«**Масть** – общественная прослойка в тюремно-лагерном мире... наивысшее место занимают **цветные**⁵⁰, затем **полуцветные** (сука, приклатненный) и разные группировки (**красная шапочка, махновцы, пивоваровцы, упоровцы** и пр.) (...) Среди **цветных**, некоторые уголовные специальности автоматически определяют социальное положение: **взломщик несгораемых сейфов** занимает наивысшее место, а **карманщик** – относительно низкое. Последовательность дальнейших ступеней менее четка: шакалы, огни, шпана, шалман, индия, шебла-ебла, доходиловка и пр. (...) **Место мужика** в этой иерархии зависит от его личных качеств и от степени усвоения им правил тюремно-лагерной жизни. **Иной мужик занимает довольно высокое место** (...)» (Росси 1991, ч.1, с. 215).

Уже на основании этой цитаты видно, что «шпана» идет за «огнями» и «шакалами» (в дореволюционной России эти «масти» иерархически шли за «иванами» и «храпами»), а не сразу за «законниками», как показано в делении согласно В. Лозовскому. Далее упоминается, что последовательность следующих ступеней менее четка, а «карманщик» занимает относительно низкое место. Подобное деление на «масти» отражало иерархию дореволюционной России, период до «сучьих войн», а в СССР «*взломщику несгораемых сейфов*» делать было нечего, проще было «взять инкассатора», приговор все равно был от 10 лет и выше, т.е. умение было ненужным, а потребность в таких «авторитетах» отпадала. Нужны были другие формы организации преступной деятельности. И в этой связи проявляется идеология «черного движения» – «*иной мужик занимает довольно высокое место*», т.е. профессиональным преступником можно стать уже в тюрьме или лагере/зоне, и подниматься все выше, «ставить авторитет». Словоформа «масть» как соответствие «шерсти» по отношению к социальному статусу преступника теряет свое значение и выходит из употребления, как и такие «масти», как «киван» и «полтораивана» в связи с отсутствием возможности свободного выезда из СССР. Негативную коннотацию получает такая «масть», как «урка». Почему-то принято соотносить «урку» с «жиганом», расшифровывая внутреннюю форму как «**уральский каторжник**». Это, конечно, логично, но вряд ли до конца правильно. «Урка» восходит к «Urchsel» из идиш и соответствует польскому «swaniak», английскому «wise guu» для определения члена «Син-

50 В настоящее время используется как название сотрудников правоохранительных органов, тогда – блатные

диката»⁵¹, и более соответствует «**бывалому жулику**» и «**козырному фраеру**». Но не соответствует до конца, поскольку «урка» всегда «красной масти», таков его кодекс, о чем будет сказано далее.

«Мастей» в дореволюционном уголовном дискурсе были десятки, при определении «масти» принималась во внимание не только «воровская специализация», но также и этническое происхождение, которое приносило свою понятийную сферу, свой «кодекс чести» и свою терминологию. К сожалению, письменная традиция до наших дней сохранилась только в словарях и литературных произведениях. Хотя есть одна категория лиц, которая могла бы ответить на все эти вопросы, но никогда не ответит – «законники», неправильно называемые «ворами в законе», хотя название этимологически вплотную приближается к прототипу. В данной связи необходимо привести следующую цитату:

«(...) Прежде всего хочу отметить, что **законники** никогда не употребляют термин «**вор в законе**». «**Вор в законе**» – это **милицейское определение**. Общаясь с ними, я не слышал, чтобы кто-то из них называл кого-либо так. Обычно это было обращение «**вор**», «**жулик**» или в лучшем случае «**законник**». Но сочетания «вор в законе» не было никогда (...) Я сделал для себя очень много открытий в отношении психологии воров, их понятий, законов, традиций и правил, которых они придерживаются, жизни, которую они ведут. Эти высказывания **Дато**, а позже и **Петрухи**⁵², совпадали со многим, изложенным в книгах этой тематики, но кое-что существенным образом отличалось (...) следующим открытием было то, что законники практически **очень хорошо знают свою историю** – историю появления воров и их традиций. Но вместе с тем на мой вопрос, когда же они, законники, возникли, **никто конкретной даты назвать не мог** (...) Примерно можно сказать, что законники возникли в конце тридцатых годов, и появились они от тогдашних представителей преступного мира, называвшихся в то время **паханами**. Паханы, в свою очередь, произошли от **жиганов** (...)» (Карышев 2005, с. 456-458).

Если попытаться ответить на вопрос, кого номинируют единицы «паханы» и «жиганы», то можно получить интересную интерпретацию данного высказывания – «законники» появились от «**отцов**», которые произошли от «**молодых вожаков**», т.е. «законники» ответили на вопрос, но по-своему. Можно предположить, что в начале двадцатых годов прошлого столетия в связи со сменой экономических и правовых внешних факторов (государственное устройство, а также роль бывших «политических» и «бродяг» в ВЧК, введение обязательных паспортов в начале 30-х) постепенно происходит идеологический переворот в преступной среде, когда на смену «братству», если принять этимологию «закон» – от польского «zakon», орден⁵³, приходит новое сообщество автономных одиночек-профессионалов, лучше приспособленных к новой действительности. Если принять на веру подобную гипотезу, то образ Остапа Бендера и его «честные способы отъема денег», неуважение к «гопникам», «чтить закон», «легализация конторы», а также проблема «что делать с миллионом в Советском государстве» приобретают совсем иное значение. Но это только предположения.

Если рассматривать «масть» согласно более ранним источникам, то следует заметить, что в 19-м столетии роль «Белого Лебедя»⁵⁴ играл столичный «Тюремный (Литовский) замок». Так же, как и в современных российских тюрьмах, в этой тюрьме имелось несколько видов режима в зависимости от тяжести совершенных преступлений:

«Отделения отличаются по воротникам: **татевное** отделение – **черный** воротник. По этому случаю татевных называют «егерями» По подозрению в воровстве – **синий**, по воровству – **желтый**. Первые зовут «гарнизонном», последних – «уланами». Первое частное отделение, куда по преимуществу забирают беспаспортных...носит **красные** воротники. Второе частное отделение – **малиновый** воротник, известно под именем «**старого благородного**», называют его также «**бесхлопотным**». Сидят там иностранцы, купцы, мещане, а даже крестьяне случаются; но попасть на это отделение преимущественно можно **только по протекции**, потому что **со второго частного не гоняют ни на какую работу и позволяют ходить в собственном вольном платье**. Бродяжное – воротник **зеленый** (...) Подсудимое отделение – **серый**; прозывается, по той же рукописи⁵⁵ «**хамовым отродьем**», потому что из этого отделения **назначаются люди в прислугу** на благородное и

51 Незнание реалий часто приводит к тому, что «правила» «Коза Ностры» Энтони Торрио и Аля Капоне в Атлантик-Сити 1929 года путают с «правилами» «Синдиката» Сальваторе Луканиа (Лаки Лючано) из Нью-Йорка 1935 года

52 Законники Дато Кутаисский и Петруха (Петр Козлов)

53 По-польски zakonnik – «законник», «член ордена, братства»

54 Легендарная «крытка», Соликамская ИТК, университет воровских «понятий» в СССР

55 «Дом позора»

секретное отделения (...) **На благородном отделении – черные пиджаки с черным отложным воротником**; допускается также и собственный костюм ...)» (Крестовский 1990, т.1. с. 429).

Если учесть, что «воры» хорошо знают свою историю и много читают, можно высказать не только предположение о происхождении «черной масти», – в царской России тюремная одежда была серого цвета⁵⁶, но также попытаться объяснить популярность «малиновых пиджаков» в начале девяностых, до того, как они подешевели и стали общедоступными. Происхождение же «красной масти», как кажется, объяснять не надо – в СССР цвет власти⁵⁷. Но это лишь близкое прошлое. В своей знаменитой статье «Западноевропейские элементы русского воровского арга» Б. А. Ларин почти вплотную подходит к разгадке. Рассмотрим следующую цитату:

«...Более трудный случай: русск. вор. **галах 'босяк'** имеет соответствие в немецком современном воровском арго *gallach 'поп, священник, проповедник'* (Kluge, Rotwelsch, 320, 397 и др.). Совпадает только знак слова, значения расходятся. Ни в русском, ни в немецком, **слова эти не разложимы и не сводимы**. Гебраист находит источник этого слова в **древнееврейском** [6], оно значит там **'бритый'**, оно там ясно морфологизуется. Первая трудность – в расхождении значений. Историко-сравнительное разыскание ее устраняет. Полная коллекция исторических материалов по Rotwelsch'у позволяет проследить это слово шаг за шагом от современности до XV в. Впервые в Basler Beitrügnisse der Gylger 1450 г. встречаем следующее описание *die Galatten* (перевожу текст из Kluge, Rw. s. 14): „Есть еще некоторые среди них, что учились немного, но не были посвящены, однако утверждают, что они священники, и выбривают себе тонзуру, как священники, и бродят туда и сюда по стране, говоря, что они возвращаются из Рима домой, а то и еще откуда-нибудь, и будто бы их ограбили. Ходят они с книгой в руках, словно бы они молятся в положенное время, а когда им подают милостыню, то они обещают прочитать евангелие Иоанна или другую молитву, и так обманывают людей. Эти называются галатами”. Фонетическое несовпадение (т на конце вм. х) объясняется здесь недослышкой, неточностью почтенного автора, этой книги. Неточность эта (подсказанная, вероятно, более знакомым библейским названием) держится некоторое время в немецких источниках (напр. в *Chronik des Matthias von Kemnat* 1475 г.). Но уже в *Liber Vagatorum* 1510 г. (замечательном и ценнейшем источнике) читаем: "*ein Galch*" [7]. Дальше встречаем *Galch, Galle* (Kl. Rw., s. 54, 76, 92, 115, 136) и, наконец, начиная с Basler Glossar 1733 г. - *galach* (Kl., s. 200, 228, 254, 320, 397): Старонемецкие источники вполне объясняют переход значения от 'бритый' к 'священник' и вместе с тем дают указание, что **в более старом немецком воровском арго это слово обозначало категорию бродяг, откуда только и могло возникнуть особое значение слова галах в русском арго 'босяк'**. Для окончательного удовлетворения лингвистов я приведу еще и семантическую параллель из старо французского арга: *ras (et rasi) - pretre, c'est-à-dire rasé, son visage étant ras...* cf. anc. fr. *rasure - tonsure* (L. Sainéan. *L'Argot ancien*, p. 78). Вне всяких сомнений, носящих тонзуру католических священников в средние века арготирующие называли „бритыми”. В виду прозрачности этого эпитета он был „закрыт” **древнееврейским словом.**» (Ларин 1931, с. 113-130).

К сожалению, Б. А. Ларин остановился на древнееврейском слове и дальше не описал этимологию рассматриваемой лексической единицы, поскольку исследовал этимологию лексической единицы «галах», а не «масть», да и о «красном цвете» плохое написать не мог – это ведь «цвет крови, пролитой за счастье трудового народа». В своей статье Б. А. Ларин ссылается на «Rotwelsch», т.е. соответствие русской «фени». Однако не проясняется внутренняя форма – «got» неоспоримо значит по-немецки 'красный', но в неразложимости синтагмы и в данной конкретной атрибуции возводится к *Rota/Rotatuere*⁵⁸ – в русском соответствии «**люмпены**» (См. Duden) с пометкой «устаревшее», этимологически – из латыни. Кроме того, проверка, например в англоязычной Википедии, словарной статьи «*mesirah*», т.е. более жесткого кодекса молчания, чем позднейшая сицилийская «омерта», поскольку всегда, везде и неумолимо нарушение заканчивалось приговором «**Динтойре**»⁵⁹, дает ссылку на работу Альфреда С. Козна, в которой «*halacha*» описывается как противопоставление «*mesirah*», а «**мусор**» (*mossur*) – тот, кто помогает властям забирать деньги у брата-еврея. Суммируя, можно сделать предположение, что «галах» – это соответствие «гоя-

56 В настоящее время основную пассивную массу «мужиков» иногда называют «серыми»

57 У Солженицына в «Архипелаг ГУЛАГ» «красными» названы «стольпинские вагоны»

58 В «Золотом теленке» Ильфа и Петрова встречается обращение Остапа Бендера «Золотая рота», адресованное Паниковскому с Балагановым. Та же лексическая единица встречается у Крестовского, см. Крестовский 1990, где так названа легендарная группа, состоящая из бывших полицейских, вымогающая «процент» с «дела» у петербургских «хороводов».

59 Имеются в виду оба «Судилица Торь», «суд с участием раввина» и «воровское судилище», на котором участие раввина не всегда было обязательным.

босяка», которого в случае необходимости можно сдать властям, чтобы спасти от репрессий свою общину. (См. Cohen 1984). Именно в «галахе» лежит одна из основных причин «сучьих войн» – старая понятийная сфера уголовного дискурса, «кодекс чести» т.н. «**польских воров**» и «иванов», а также последовавших за ними «**автоматчиков**» («Красных Шапочек»), предусматривала сотрудничество с администрацией, поскольку и администрация была другая. Схема подобного сотрудничества была уже показана.

Предположение о том, что «черная масть» в уголовном дискурсе современной России может иметь какое-либо отношение к сожженному во время Февральской революции Тюремному (Литовскому) замку может показаться абсурдным. Однако рассмотрим следующую цитату: «**Благородный воровской мир** или **старый благородный воровской мир** – мир настоящих воров. Множество легенд рассказывает о героике старого благородного воровского мира, существовавшего в царской России и до 30-х гг. XX в. Уголовники так же тоскуют по нему, как работник госбезопасности по «героике» чекистского самоуправления первых годов советской власти» (Росси 1991, ч.1. с. 31). Кроме того, в подтверждение выдвинутого тезиса обратимся к следующей цитате: «**Воровское слово** – по преданию, настоящий вор всегда держит слово. **Легенда гласит**, что в царское время многие начальники тюрем, не колеблясь, отпускали самого матерого вора, если тот дал слово, что вернется (правда, воры считают, что сдержать слово только тогда обязательно, когда его даешь другому вору)» (Росси 1991, ч.1. с. 60). В данной связи нерелевантно, в действительности ли начальник тюрьмы отпускал под честное слово уголовников или нет, важна легенда (предание), т.е. существование определенного стереотипа в массовом сознании⁶⁰. Теперь рассмотрим следующий пример: «**давать честное слово и не марать честь хоровада**» (Крестовский 1990, т.1. с. 103). Эта цитата показывает, что в царской России деклассированные элементы могли также клясться «**честью шайки**». Какая это была честь и как она соотносилась с основными библейскими заповедями – это вопрос иной статьи, важен сам факт существования чего-то подобного.

Кроме того, следует также упомянуть о роли чтения в жизни лиц, пребывающих в местах лишения свободы. В настоящее время в каждой тюрьме или ИТК должна быть библиотека. Даже в царской России, где книг в тюрьме не полагалось, все равно заключенные читали. Рассмотрим следующую цитату:

«Книжками снабжает их тюремный священник; но «божественные», если и читают арестанты, то больше под праздник, а в мирские дни предпочитают чтение «с воли» (...) и тут есть всякая книжка: и историческая, и номер старого журнала, и путешествие, и роман, какой попадется (...) Иногда очень уж занятную книжку целая камера, как один человек, слушает, никто слова стороннего не шепнет, никто не спит, никто даже в кости не играет, а об картах на эту пору и помину нет» (Крестовский 1990, т.1. с. 432). Далее рассказывается о предпочтениях относительно стихов, как правило сентиментальных, и о случаях, когда заключенные цитировали иногда в прозе целые отрывки «Мертвого дома» Достоевского – вспомним, что речь идет о девятнадцатом веке, отсутствии тюремной библиотеки и высоком уровне неграмотности среди простого населения.

Странное, на первый взгляд, предположение о влиянии старой понятийной сферы на современный уголовный дискурс может быть подтверждено рядом иных косвенных фактов, например символикой бубнового туза. Вспомним, что в приведенной выше цитате «желтый» был приписан вору в Литовском замке. Кроме того, «**бубновый туз в кандалах** – так, между прочим, мошенники называют приговоренных к ссылке в Сибирь и в каторгу. Мотивом этого юмористического прозвища послужил **желтый четырехугольник**, в виде бубнового туза, на спине суконной одежды ссыльно-каторжных арестантов» (Крестовский 1990, т.1. с. 597).

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что желтый – цвет «вора» или «жигана»⁶¹. Теперь рассмотрим куплет вполне современной песни, относимой к разряду «шансон»:

«Дом казенный предо мной да тюрьма центральная....

...А под расстрельную статью ямы быстро роют

Что же не хватало мне, все теперь на месте

60 Чтобы узнать, что происходило на самом деле, достаточно почитать «Остров Сахалин» Чехова или «Мертвый дом» Достоевского, где описано, как и действительно ли арестанты «шли в отрыв» (в настоящее время основная масса употребляет «рывок»). См. также Крестовский 1991 «Сибирь-матушка» и «Сибирь-батюшка». Следует упомянуть также о том, что в «черной масти» «слово» дается «идее, выраженной в материальной форме братства», «слово вечно как судьба». В «красной масти» «слово» дается «людям», его можно «взять» обратно под влиянием «ситуации».

61 Жиган – сибирское название каторжника в 19-м веке, см. Крестовский 1990, хотя Фима Жиганец относит значение данной лексической единицы к «фартовым», что в синхронии синонимично.

Был туз бубновый на спине, а стал в ногах туз крести»⁶²

Следующим косвенным фактом, который мог бы свидетельствовать в пользу предположения о влиянии понятийной сферы времен царской России на современный уголовный дискурс могут также являться роль и функции **тюремного старосты** («*смотрящего*», «*положенца*», «*положенца-в-масти*»). Рассмотрим следующую цитату:

«Во внутреннем управлении арестантов **искони** ведется выборное начало. Большинство голосов на каждое отделение выбирается **староста**, а в каждой камере дневальный и поддневальный. На работу они не ходят, зато обязаны принимать на свое попечение «новичков», получают белье на всю камеру, ходят за хлебом, принимают со старостой **подавание**, каждый день подметают у себя пол, а по субботам моют его. Обязанность старосты довольно мудреная: он – судья и вершитель междоусобных недоразумений и споров, ответчик перед начальством за дух своего отделения и за разные происшествия, проступки и т.п. Ему нужно потрафлять и на начальство, и на арестантов, чтобы и те и другие были довольны, по пословице: «волки сыты, и овцы целы» (Крестовский 1990, т.1. стр. 431). Теперь рассмотрим описание ситуации, касающейся уже современности:

«Обычно **смотрящими** („**положенцами**” – т.е. теми, кто отвечает за „положение” – соблюдение понятийного порядка) камер становятся так сказать „по умолчанию” – т.е. это место занимает самый достойный – либо он сам начинает вести себя как лидер, либо его просят взять на себя это. Часто этим человеком становится назначенный перед уходом из камеры старым смотрящим. Все это происходит гладко, если нет других кандидатов. В противном случае дело может дойти до открытого конфликта, и, если никто не уступит, может произойти даже голосование среди братвы (...) Надо сказать, что **положенец** имеет не столько права, сколько обязанности – он отвечает, вплоть до своей жизни, за недопущение беспредела, правильное применение понятий, дороги, отношения с администрацией». (Лозовский, Ссмотрящие. Крысы.Масти в СИЗО).

На основании этих цитат можно сделать следующие выводы: как в царской России, так и в РФ староста – **положенец** является верховным лицом внутреннего самоуправления лиц, пребывающих в местах заключения, и отвечает за внутренний порядок, является руководящей прослойкой между заключенными и администрацией. Принцип выборности и назначения может быть сравнен только на основании приведенных цитат. Единственное, в чем наблюдается существенное различие – «**подавание**». В настоящее время вместо «подавания» имеется «**общак**». Еще у Жака Росси (См.: Росси 1991) подобной лексической единицы – **общак**, не встречается; Росси описывал систему СтаЛагов, у Балдаева, описывающего уголовный дискурс от шестидесятых годов 20-го века (См.: Балдаев 1997). Она появляется также в значении коллективной собственности, «**общаковая тумбочка**», но данной стадии исследования подобные различия нерелевантны, поскольку суть общей делимой старостой-положенцем собственности остается неизменной⁶³. Неизменным также остается факт, что в царской России заключенных кормили значительно лучше, чем в РФ и СССР (См.: Крестовский 1990). Хотя, если обратиться к поговорке «*Входящий не грусти. Выходящий, не радуйся*» в интерпретации Жака Росси⁶⁴, то «(...) в материальном отношении тюремная или лагерная жизнь не хуже колхозной (...)». Именно плохая кормежка и могла приводить к «беспределу», т. е. отбиранию собственности в период «сучьих войн» – в местах заключения считается, что «*карман дело святое*», т.е. нельзя ничего взять, не спросив. Но это частности. Основным является то, что «*смотрящий*»/ «*положенец*» – это не «*масть*», а функция, «*воровская должность*». В заключение остановимся на последней классификации по «*мастям*», в которой появляется достаточно много прилагательных, что наводит на определенные размышления:

«В тюрьмах, ИТК особого режима стали формироваться костяки воровских группировок, куда входили **авторитетные фраера**, возглавляемые ворами. **Фраера**, которые в период „сучьей” войны поддержали авторитетов и этим заслужили их доверие, стали основной опорой **паханов**. Следующей по авторитету группой являлись „**мужики**”, которые делились на подгруппы:

1. „**Хорошие парни**” – те, кто полностью признают понятия и воровские законы, но не заслужили права находиться в воровском сообществе(...) 2. „**Центровые** („**kozyрные**”, „**воровские**”) **мужики**” – осужденные, имеющие непосредственные контакты с авторитетами, соблюдающие „кодекс чести арестанта”. 3. „**Мужики**” – основная группа. Не нарушающие тюремных традиций и обычаев, одни по убеждению, другие из опасности возмездия. 4. „**Серые мужики**” – частично деградировавшие люди, не следящие за собой. Среди авторитетов они абсолютно не пользуются уважением, но и не преследуются. Третья категория – осужденные, преследуемые

62 М. Круг, М. Гулько «*Жупола*», Посвящение. Классик-Компани, 2002.

63 В. Лозовский «дубком» или «общаком» называет «общий стол»

64 См. Росси Жак ч.1. с. 68

авторитетами за нарушение традиций и обычаев. „Отверженные” или „гашеные”. К ним относятся провинившиеся **воры, фраера**⁶⁵ („суки отошедшие”), неплатежеспособные должники (фуфлыжники), „самозванцы”, уличенные в краже у товарищей („крысы”), сотрудничающие с администрацией (**стукачи**), скрытые гомосексуалисты и те, кто участвовал в секциях профилактики правонарушений („повязочники”). Последнюю ступень в этой иерархии занимают пассивные гомосексуалисты („обиженные”, „опущенные”)(...)» (Кучинский, Послевоенные годы.)

Трудно сказать, является ли данное деление на «масти» адекватным действительности, но в общественном сознании этот миф силен, о чем свидетельствует тот факт, что даже в Википедии, например, при поиске словарной статьи «Сучьи войны», данный автор без тени сомнения цитируется полностью, хотя он сам же и там же пишет «На самом деле все это было, конечно, не так».

Уже были рассмотрены несколько классификаций деления по «мастям» разных авторов, но все они отличаются между собой и трудно определить, какая классификация адекватна реальности. И речь не идет о диахронических изменениях, проблема может заключаться в подходе – все авторы упорно принимают за исходную точку анализа имя существительное и пытаются построить классификацию «по масти» согласно определенным критериям. У одних авторов «масть» «фраер» стоит сразу после «вора», у других «фраер» рассматривается наравне с «серым мужиком» и «лохом». Некоторые определяют «шпану» и «пацанов» на место «жуликов», у одного и того же автора «авторитетный фраер» и «фраер» находятся на разных концах «иерархической лестницы» (например, в поданой выше цитате). Это не удивительно. Часто даже «бывалые по масти жулики» не могут сразу наизусть «перепить все масти по ранжиру», и могут использовать т.н. «**воз**», подразумевающий «общее дело». И об этом, по понятным причинам, трудно найти упоминания.

Теперь рассмотрим смысл следующего выражения, кстати великолепно переводящегося с тем же смыслом и ритмом на язык «польских воров»: «Учился у «лучших», в «пристяжи не ходил», но за «возом» бегал» – «*Uczyłem się od najlepszych. W zaprzęgu nie chodziłem, ale za wozem biegalem*». Теперь понятийная интерпретация по «масти»:

«в центре – «центральной вор», пристяжь – «честный», «блатной», «бывалый», «фартовый», «козырный»» «жулик» (может быть несколько) и несколько «козырных» или «воровских» «мужиков», а за «возом» бегут «пацаны» или «шпана»

в центре – «центральной жулик бывалый», по бокам – в основном «воровские и козырные» мужики. За таким «возом» не побегут «пацаны» или «шпана». Это «молодая пристяжь». И в такой «пристяжи» «взапалло будет побежать козырному или бывалому жулику краями». Если «пойдя в другой пристяжи», т.е. участвуя в делах более «авторитетных пристяжей», «жулик пойдет на коронацию», то «поднимется» и его «пристяжь», и «пацаны со шпаной за возом побегут, а мужики поднимутся. Так было до конца восьмидесятых когда шансы братвы и воров уравнивал автомат».

Приведенная выше понятийная интерпретация была получена автором от лица, бывшего «по масти» «бывалым жуликом», но не «центровым», т.е. не имевшим собственной «пристяжи». Кроме того, к данной цитате следует также подойти критически – причина «уравнивания шанса» заключалась не в автомате, а в изменении общественного устройства⁶⁶. В данной цитате речь идет также о том, что данная иерархия, во-первых, формируется еще на свободе. Криминальные группы поделены на «пристяжи», в современном понимании «бригады» в составе ОПГ, отличаются лишь своей номинальной автономностью. С вышестоящей «пристяжью», «старшими», контакт в основном поддерживает «центральной жулик», при отсутствии «центрального жулика» это место может быть занято «центровым мужиком». «Пацаны» и «шпана», они же «жоррики», «жиганы-лимоны», – это младшие поделщики, в силу возраста или еще слабой квалификации не готовые занять достойное место в «пристяжи». Уже потом, в местах лишения свободы, подобный стаж в «пристяжи» определяет место в тюремно-лагерной иерархии. Приведенная выше понятийная ин-

65 Примеч.: автор представленной статьи лексическую единицу «фраер» также соотносит с «жиган», т.е. «фрей», «фартовый», не действующий в «хороводе», «кодлане», «катране» и т.д. сравним у Андрея Заря, «Седьмая ходка»// Реальный блатняк. ТОВ Golden Collection 2011: «...Седьмая ходка, захал **фраерок**, чичигагам, мадера, фикус, бляндербундер, а заварите-ка бродяге чафирок, привет кичман, салам сырой цугундер...»

66 Считается, что «спортсмены», т.е. молодежные криминальные формирования, как образец, – «люберецкие», «любера», состоящие в основной массе из несудимых спортсменов, возникли в восьмидесятых годах. В восьмидесятых годах возникло название, но само явление известно еще с шестидесятых годов, когда криминальные «пристяжи» принимали спортсменов с «мастью» «козырный» или «воровской мужик». Позже эти «мужики» сами стали известными «законниками» или просто «авторитетами», т.е. уважаемыми в определенных кругах людьми – О. Коротаяев, сам В. Иванов, братья Квантришвили и т.д.

терпретация также объясняет, почему в местах лишения свободы «иной мужик занимает довольно высокое место» - за ним стоит «авторитет» его «пристяжи».

Выше в статье уже писалось, что в уголовном дискурсе «мастей» были десятки, и сейчас распутать этот диахронический клубок могут лишь «законники». Для построения собственного варианта раздела по «масти» попробуем начать с «законников» и применить атрибутивность в пред- и постпозиции при неразложимости синтагмы. Речь идет о том, что словоформы «вор», «жулик», «мужик» не несут релевантной и информативной нагрузки без определенных прилагательных или атрибутивных конструкций, состоящих из предлога и существительного.

Например, **«вор в короне»** – редкий случай, когда вор по состоянию здоровья может «завязать». А почему, например, не предположить, что «законники» тоже имеют «масти», и «в короне» (парящий орел с короной над головой, которого накалывают на груди, в отличие от карточных мастей внутри креста или подключичных звезд⁶⁷) атрибутивно показывает того законника, который имеет право «короновать»? Т.е. не **«на сходке»** (раньше «толковище»), а **«втроем»**, по принципу «tres faciunt collegium»? Поскольку «законники» до сих пор функционируют по многовековым и проверенным принципам «Динтойре», надеяться на правдивое описание «понятий братства» не приходится, необходимо опираться лишь на определенные факты, а не на художественную литературу, хоть и правдивую во многих аспектах. Рассмотрим следующую цитату, касающуюся Вячеслава Иванькова, личности неординарной и оваянной легендами⁶⁸:

«...Кстати, „подход“ при короновании в высшую воровскую касту Иванькова поддержали **уважаемые** сообществом воры в законе Семен Портной, Вова Савоська и Песо. Они приняли „воровской прогон“, присланный из Владимирского центра **Васькой Бриллиантом и Витькой Малинкой**, с оповещением всех воров в законе на воле и „в сроках“ **об одобрении „подхода“ к коронованию Япончика**. То есть **работа Монгола и Япончика** получила у **высшего братства бродяг** добрую оценку» (См. Котляр).

Теперь попробуем создать собственную классификацию на основе прилагательных. Скажем лишь о том, о чем почему-то не говорят авторы пособий по тюремно-лагерной жизни – к незнакомым или малознакомым и вообще вышестоящим «людям» принято обращаться просто **«уважаемый»**, иногда конечно можно заменить на **«джан»** или **«заде»** в том же значении и функции, но если перепутать, будет рассмотрено как обида. Уже это обращение определяет место говорящего. Итак:

Вор в короне, он же «уважаемый», «нэпманский», «старой формации», «благородный»;
Вор в законе, он же «уважаемый», «авторитетный», «центровой», «законный», «честный»;

Жулик, он же «честный», «блатной», «бывалый», «центровой», «фартовый», «kozyрный», для нижестоящих – «уважаемый».

Мужик, он же «kozyрный»/«воровской», «центровой», «фартовый», «набушмаченный», «правильный», «порядочный», «серый».

Остальные – «черти», т.е. все остальные граждане, которые находятся лишь несколько выше «обиженных», которых в местах лишения свободы вообще за людей не считают, они – «духи», хотя считается, что этимологически «дух» – от «душмана».

Автор статьи хотел бы подчеркнуть, что порядок прилагательных в каждой из «мастей» может быть иным в связи со слабой языковой компетенцией автора. Кроме того, как уже писалось, подобная градация не всегда может соответствовать реальности из-за понятийной интерпретации «пристяжи» и «воза», т.е. иной «мужик» может быть выше «жулика». В данной градации не упомянуты атрибуты **«пиковый»** и **«бубновый»**. Употребляются только при описаниях в третьем лице, и их употребление в обращениях зарезервировано только для вышестоящих. «Босота»,

67 Считается, что татуировкой «вора старой формации» являются следующие атрибуты-кинжал вбит в череп, кинжал обвивает змея в короне, дополняют символику розы и монеты. Однако с шестидесятых годов прошлого века такая татуировка не считается «правильной».

68 Признанный вождь «бубновых» в официально второй (третьей) войне с «пиковыми», т.е. славян с кавказцами в массовом сознании. Первая война имела место на переломе 1970-1971 из-за «грузинского общака», начали ее «славяне», конец «интернационального закона» в СССР. «Крести» и «черви» - «любовь и судьба вне масти», не имеют отношения к представленному исследованию, характеризуются тенденцией избегания в уголовном дискурсе, восходят к т.н. «немецкой колоде». Следует также заметить, что «пиковый» - это не обязательно кавказец, а «бубновый» - славянин. Среди орехово-борисовских было много дагестанцев, а среди «пиковых чеченцев» - славян. «Пиковый» значит сначала исповедующий «принцип Маугли» - «мы с тобой одной крови», а уже потом «закон». «Пика первая отзывается».

«шпана», «бродяги», «братва» употребляются только по отношению к равным. Для лиц, которые называют себя на свободе «братва» («братки»), зарезервирована категория «мужиков» с определенным прилагательным «по способностям». «Авторитеты» ОПГ, не курируемых ворами, в местах лишения свободы попадают чаще в категорию «центровых», «козырных» или «фартовых», а вот какое существительное будет к ним применено, «мужик», «жулик», или очень редко «вор» – вопрос их «способностей», т.е. «дел» на свободе, и «расклада», т.е. соотношения сил в камере⁶⁹.

Подводя итоги, следует сказать, что в данной статье внимание было уделено рассмотрению словесной формы «масть». Форма «масть» употреблялась для обозначения мест лишения свободы как заменитель более ранней словоформы «цвет». «Масть» также обозначала категорию заключенного как заменитель более ранней словесной формы «шерсть». Суммируя, можно с уверенностью сказать, что некоторые разделения по «масти» могут удивить других исследователей, но вспомним о делении лиц, формирующих уголовный дискурс, по языковым компетенциям, а, кроме того, достаточно слабую языковую компетенцию автора представленной статьи в данном вопросе. В общем, можно с уверенностью сделать вывод, что «масть» определяет среду функционирования уголовного дискурса, как лиц, так и места. Значение появляется лишь в словоупотреблении аналитических форм с элементом «масть» (в данной статье была рассмотрена лишь атрибутивность) при условии неразложимости синтагмы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. БАЛДАЕВ, Д. С., 1997. *Словарь блатного воровского жаргона*. В 2-х томах. Москва: Кампана.
2. DUDEN. BAND 5. FREMDWOERTERBUCH. 1997. Mannheim: Dudenverlag.
3. КАРЫШЕВ, В., 2005. *Русская мафия 1988-2005. Криминальная хроника новой России*. Москва: Эксмо.
4. СОНЕН, А. S., 1984. *Halacha and contemporary society*. KTAV Publishing House Inc. Режим доступа: http://books.google.pl/books?id=BnFaZE-Q1JMC&pg=PA100&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false [12.01.2012.]
5. КОТЛЯР, Э., *Воровской мир открывает свою хронику*. Режим доступа: <http://www.mospravda.ru/issue/2009/10/29/article19483/> [12.01.2012.]
6. КРЕСТОВСКИЙ, В. В., 1990. *Петербургские труппы (книга о сытых и голодных)*. в 2-х томах. Ленинград: Художественная литература.
7. КУЧИНСКИЙ, А., *Тюремная энциклопедия*. Режим доступа: <http://www.drink.nov.ru/turma/index.shtml> [12.01.2012.]
8. ЛАРИН, Б. А., 1931. *Западноевропейские элементы русского воровского аргю*. In: *Язык и литература*. Т. VII. Ленинград. с. 113-130. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/larin-31.htm> [12.01.2012.]
9. LESZCZAK, O., 2010. *Lingwosemiotyka kultury. Funkcjonalno-pragmatyczna teoria dyskursu*. Toruń: Wyd. Adam Marszałek.
10. ЛОЗОВСКИЙ, В., «*Как выжить и провести время с пользой в тюрьме*». Режим доступа: <http://www.tyurem.net> [См. 12.01.2012.]
11. РОССИ, Ж., 1991. *Справочник по ГУЛАГу*. В 2-х частях. Изд. второе, дополненное. Москва: Промсвет.

69 В данной связи необходимо упомянуть феномен признания «параллельной аристократии», применявшийся еще римлянами к вождям варваров – короли варваров вроде и аристократы, но ниже римских патрициев и всадников. В статье не рассмотрены т.н. «апельсиновые воры» или «скороспелки» - это случаи маргинальные. Их просто не трогают, поскольку за ними стоит «авторитет пристяжи».